

Родионов Иван Александрович

Наше преступление
(Не бред, а быль)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Александрович Р.**
Наше преступление: (Не бред, а быль) / Родионов Иван Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 438 с.

ISBN 978-5-519-80912-2

ISBN 978-5-519-80912-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часть первая

I.

Надъ небольшимъ городкомъ, раскинувшимся съ своимъ предмѣстьемъ по обоимъ холмистымъ берегамъ порожистой, быстрой рѣки, солнце свѣтило и грѣло совсѣмъ по-лѣтнему, хотя было уже 25-ое августа. Городокъ этотъ бойкій, торговый, весь окруженный заводами и фабриками.

По улицамъ вездѣ сновалъ народъ; со стукомъ и громомъ гужомъ тянулись по неровной каменной мостовой телѣги съ глиной, съ горшками, съ трубами, съ мясными тушами и съ кипами писчей и оберточной бумаги.

Все это направлялось къ одному пункту—къ вокзалу.

Казенныхъ и частныхъ кабаковъ тутъ на каждой улицѣ изобиліе.

Въ самомъ центрѣ городка, на соборной площади у ренсковаго погреба, принадлежащаго городскому головѣ, часа въ четыре дня стояло съ полдюжины подводъ и толпилось съ бутылками въ рукахъ чловѣкъ двадцать мужиковъ.

— Думаешь, я забылъ про землю?.. я не забылъ, я помню... этого я тебѣ не спущу...—кричалъ въ

толпѣ одинъ рыластый, широкоплечій, неуклюжій парень, грозя другому кулаками.

— Я те покажу, какъ землю отбирать, я те покажу... ужъ я это дѣло не оставлю... Ты меня узнаешь...

Слова эти по мужицкому обыкновенію пересыпались непечатной бранью.

Ругавшійся парень былъ Сашка Степановъ, а придирался онъ къ своему односельцу и крестовому брату—Ивану Кирильеву.

Тотъ относился къ наскокамъ Сашки чрезвычайно спокойно и только разъ, когда Сашка чуть не зацѣпилъ его кулакомъ по носу, очень высокій, атлетическаго тѣлосложенія Кирильевъ быстро поймалъ не въ мѣру расходившагося придиру за руку и безъ всякаго усилія отшвырнулъ его на нѣсколько шаговъ отъ себя.

— Братишка, не балуй! строго сказалъ Кирильевъ, насупивъ черныя, густыя брови на красивомъ, добродушномъ лицѣ съ немного толстоватой нижней губой и погрозилъ огромнымъ пальцемъ.

— А што-жь?

— А то... языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай!

Сашка побагровѣлъ отъ злобы, но, зная необычайную физическую силу Ивана, пересталъ лѣзть къ нему и только въ ругательствахъ отводилъ душу.

— Да подожди, чего ты разгорячился? Земля моя? Скажи, моя земля?—допрашивалъ Иванъ.

— Твоя, а почему?..

— Постой. Я ее промутилъ ¹⁾ хрѣсному по своей волѣ?

¹⁾ Сдалъ въ аренду.

— Ну по своей, а почему?..

— Разъ она моя,—продолжалъ Иванъ, перебивая Сашку,—и какъ мнѣ самому была занадобивши, я и отобралъ, потому какъ земля моя и воля моя. А ты не въ свое дѣло носа не суй, коли тебя не спрашиваютъ... потому какъ мы съ хрѣснымъ это дѣло промежъ себя по согласію порѣшили...

— А почему ты ее промутилъ шипинскому Матвѣю, а у насъ отобралъ? Почему?

— Вотъ чудакъ-человѣкъ! Я-жъ тебѣ сказывалъ разъ, какъ земля моя и какъ я—ейный хозяинъ, я и промутилъ кому хотѣлъ. Вотъ тебѣ и весь сказъ и не приставай,—рѣшительно заявилъ Иванъ.

Сашка отошелъ въ сторону, къ группѣ изъ трехъ парней, не переставая ругаться и грозить.

Иванъ невозмутимо продолжалъ пить водку съ своякомъ Оомой—горькимъ пьяницей, но милымъ и обходительнымъ человѣкомъ. Маленькій, тщедушный, благообразный на видъ своякъ чувствовалъ себя чрезвычайно неловко передъ Иваномъ, потому что ему не на что было отвѣтить родственнику угощеніемъ на угощеніе и потому невольно подыскивалъ въ умѣ предлогъ, чѣмъ бы услужить Ивану.

— Ваня, ты послухай, што я тебѣ скажу...—вполголоса проговорилъ онъ, украдкой кивнувъ головой въ сторону Сашки и его пріятелей.—Ты остерегись, гляди—тутъ съ имъ два озимовскіе парня, да вашъ Серега Ларивоновъ, все робята не надежные, а озимовскіе-то первые драксуны. Какъ бы тебѣ какого худа не сдѣлали?

— Кто? Они-то?—отвѣтилъ Иванъ нарочно такъ громко, чтобы слышали парни, и презрительно кив-

нуль на нихъ головой. Выпитая водка уже оказывала на него свое возбуждающее дѣйствіе.—Только пущай зачнутъ, не обрадуются...

— Да нѣ-ѣ...—продолжалъ онъ, хлебнувъ изъ бутылки и передавая ее свояку. Это што Сашка-то брешетъ, такъ все спьяна. Ёнъ завсегда такой, карахтерный... разъ лишнее выпьетъ—бѣда, сычасъ ко всѣмъ придирки... Рази это впервой?! А разъ проспится и все евоное зло какъ рукой сниметъ. Да мы съ имъ—дружки Христовы, и я его завсегда обороняю, разъ заближаютъ свои... Бѣда, какъ худо ему жить съ своими-то,—продолжалъ Иванъ, покрутивъ головой,—и все отъ евоного карахтера, а какъ Степанъ-то—Сашкинъ отецъ—мой хрѣсный и меня што сына родного жалѣетъ, ну ежели у ихъ што промежъ себя выйдетъ, Сашка сычасъ ко мнѣ. Я къ хрѣсному, и хрѣсный завсегда мою просьбу уважитъ... Завсегда... Никогда такого не бывало, штобы хрѣсный не уважилъ, разъ я попрошу, никогда. Ёнъ меня очинно жалѣетъ, хрѣсный-то, прямо, што отецъ родной...

Купленная Иваномъ сороковка подошла къ концу. Оома, все еще стѣсняясь, что не можетъ отблагодарить свояка за угощеніе, конфузливо пожавъ Ивану руку, ушелъ, но передъ разставаніемъ еще разъ посоветовалъ ему поскорѣе убираться во-свояси.

— Вишь, они все стовариваются,—указалъ онъ глазами на таинственно шептавшихся парней.

Иванъ досадливо отмахнулъ рукой.

— Пущай. Рази я пьянъ? а за тверезаго за меня, самъ знаешь, голыми руками не берись.

Иванъ ушелъ въ одну сторону, а его своякъ, предвидя возможность драки между Иваномъ и Сашкой съ

товарищами, поспѣшилъ удалиться въ другую, противоположную. Онъ избѣгалъ всякихъ ссоръ и дракъ, отчасти по своему слабосилію, а главнымъ образомъ потому, что еще «не страсъ съ шеи» одно уголовное дѣло. Состояло оно въ слѣдующемъ: около года тому назадъ, онъ на одномъ вокзалѣ, будучи пьянымъ, огрѣлъ безмѣномъ по лбу неизвѣстнаго ему господина за то только, что тотъ былъ одѣтъ баринѣмъ, а Оома въ то революціонное время полагалъ, что всѣхъ господъ можно безнаказанно избивать.

Битый господинъ, оказавшійся купцомъ, пролежалъ цѣлыхъ полгода въ больницѣ и чуть не отдалъ Богу душу. По распоряженію прокурора полиція разыскивала Оому. Большую часть времени мужикъ скрывался въ уѣздѣ, разъѣзжая по деревнямъ съ мелкимъ товаромъ, когда же появлялся у себя въ Рудѣевѣ, то къ нему неизмѣнно заходилъ сельскій староста и говорилъ: «А вѣдь тебя, Оома, по закону-то я должонъ предоставить въ контору ¹⁾, потому такая бумага пришла, что буде ты объявишься, значить, по мѣсту приписки, безпремѣнно предоставить». Оома угощалъ старосту водкой, а по начальству въ опредѣленные сроки отписывалось, что «крестьянина Оомы Богданова по розыску въ предѣлахъ Прошковской волости не оказалось».

II.

Сашка и его товарищи остались у погребка и слѣдили глазами за Иваномъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не скрылся въ обширномъ проходномъ дворѣ собора.

¹⁾ Волостное управленіе.

Еще въ то время, когда Оома совѣтовалъ Ивану поскорѣе уйти въ деревню, 19-лѣтній кудрявый Лѣшка Лобовъ, сверкая озорными, безпокойными глазами и толкнувъ локтемъ въ бокъ Степку Горшкова, предложилъ Сашкѣ:

— Ты вотъ што, Сашка, ты угости, такъ мы съ Степкой подсобимъ Ванькѣ мятку задать. Подсобимъ, што ли, Степка?

Совсѣмъ юный Степка привыкъ быть эхомъ своихъ двухъ старшихъ пріятелей.

— Ваньку-то? Чего-жь на его глядѣть?! Его давно пора. Ужъ очинно ёнъ заносится, братцы мои...— отвѣтилъ Степка съ такимъ же точно выраженіемъ свирѣпости на тонкомъ, блѣдномъ лицѣ и въ свѣтлоголубыхъ полунпьяныхъ глазахъ, какое было на лицахъ и въ глазахъ Сашки и Лобова.

— Слышь, Сашка, слышь?—подхватилъ Лобовъ.— Только сейчасъ сороковку ставъ.

Никогда не посмѣлъ бы Сашка ввязаться въ открытую драку съ такимъ необыкновеннымъ силачомъ, каковъ былъ Иванъ, да ему это и въ голову не приходило, и его пьяная ругань и придирки были не болѣе, какъ лай обозленной собаки; не рѣшающейся укусить прохожаго. За неожиданное же предложение парней онъ ухватился съ азартомъ.

Злоба его на Ивана вдругъ вспыхнула и разгорѣлась въ смертельную ненависть.

-- Извѣсно, поставлю. Чего?—отвѣтилъ онъ.— Денегъ, што ли, пожалѣю? Я на это дѣло денегъ не пожалѣю. Чего? Только ужъ бить, такъ бить... какъ слѣдуетъ...

— Да ты только зачни, а ужъ мы не отстанемъ, потому какъ ты товарищъ, значить.... Ты для насъ завсегда сколько дѣлаешь уваженія и мы для тебя сдѣлаемъ. Понимаешь?—говорилъ Лобовъ.

— Извѣсно. Рази я когда вамъ хошь слово ска- залъ? Разъ вы ходите и ходите... Я вотъ какъ... Я не такъ, штобы какія препятствія дѣлать... Чего?

— Мы это понимаемъ, Сашка. Рази мы безъ по- нятія?!—говорилъ Горшковъ.

Дѣло въ томъ, что оба озимовскіе парня «ходили» къ сестрамъ Сашки.

Лобову приглянулась пригожая, бойкая Аня и полгода назадъ онъ изнасиловалъ ее. Послѣ этого дѣвка уже по своей охотѣ отдавалась предприимчи- вому, дерзкому парню. Горшковъ недавно вступилъ въ связь съ меньшой—16-лѣтней Аришкой, полонивъ ее сердце фунтомъ конфектъ и новымъ платочкомъ.

Сашка зналъ объ отношеніяхъ парней къ его се- страмъ, а парни угощали его водкой. На этой под- кладкѣ возникла и окрѣпла ихъ дружба.

— А ты, Серега, што?—спросилъ Сашка третьяго парня Ларіонова, все время молчавшаго и, какъ это дѣлаютъ глуховатые люди, съ напряженной, тупой усмѣшкой подставлявшаго къ разговаривавшимъ то- варищамъ то одно, то другое ухо.

Онъ былъ солдатъ, только полгода прослужившій въ артиллеріи и по тугоухости отпущенный на по- правку здоровья домой.

— А што-жъ мнѣ говорить?—переспросилъ Ла- ріоновъ съ той же тупой усмѣшкой на чернобровомъ лицѣ съ едва замѣтными молодыми усами надъ верх- ней губой.

— А то, што мы нонче Ванькѣ мятку зададимъ, а ты должѣнъ нашу руку держать!—громче обыкновеннаго сказалъ Лобовъ, наклонившись къ уху Ларіонова.

— А-а. Я што-жь? Я отъ товарищевъ никогда не отстаю. Ежели мятку, такъ мятку...—отвѣтилъ подвыпившій Ларіоновъ.

Какъ только скрылся Иванъ за старымъ, высокимъ, простой, прекрасной архитектуры, но облупленнымъ соборомъ, парни, не спѣша, покончили водку, размѣстились въ двухъ телѣгахъ и поѣхали выслѣживать его.

Иванъ уже прошелъ по узкому, длинному желѣзному мосту черезъ рѣку на другую сторону и берегомъ направился къ выѣзду изъ предмѣстья, когда парни увидѣли его.

Они улицей поѣхали по тому же направленію и остановились только вблизи «казенки» недалеко отъ выѣзда. Сашка купилъ обѣщанную сороковку и угощалъ товарищей.

Къ нимъ подошелъ молодой шепталовскій мужикъ Ѳедоръ Рыжовъ—односелецъ Сашки и Ивана, постоянно работавшій на одномъ гончарномъ заводѣ. Такъ какъ завтра было воскресенье, то на этотъ день онъ шелъ въ деревню, гдѣ у него жила мать.

— Ге-ге-ге, да тутъ все наши!—съ преувеличенной веселостью сказалъ Рыжовъ, пожимая поочередно каждому парню руки.

Парни продолжали пить водку, но ему не предлагали и даже своимъ невниманіемъ къ нему давали понять, что здѣсь онъ лишній.

Однако Рыжовъ не уходилъ, потому что ему хотѣлось выпить водки, и мялся около парней, блестя